

Қ.Р. Нұрғали*, М.Д. Амангелді

*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: nurgalik1@mail.ru, amangeldimd@gmail.com)*

Система мотивов в лирике Б. Канапьянова

В статье исследована система мотивов поэтического языка казахстанского поэта Б. Канапьянова, представленная в его лирических произведениях. «Мотивная система» рассмотрена в совокупности ее содержательного и структурного компонентов. Основная задача работы — описать устойчивые мотивы через способы их создания и развития в поэтическом тексте. В качестве исходной позиции принимается существование мотива как в буквальном, так и в образном выражении. В зависимости от способа выражения мотива в тексте выбирается характер его описания. Следует подчеркнуть, что изучение мотивной системы, безусловно, предполагает обращение как к авторской проблематике в общем, так и к конкретному образному ряду. Авторами предпринята попытка определить специфику мотивов лирики Б. Канапьянова в сравнении с общекультурными мотивами, выявить и классифицировать способы и средства их репрезентации в художественных текстах. Важное место занимает проблема структурирования таких субконцептосфер, как «семья», «Родина», «степь», «аул». Выделены их составляющие и определены систематические связи между ними, вычленены и классифицированы основные языковые средства их репрезентации. В результате анализа сделан вывод, что мотивы выполняют различные функции: от характеристики лирической ситуации до образа, ключевой темы стихотворения. Диапазон осмысления системы мотивов и ее художественного выражения достаточно широк и разнообразен. Их анализ позволяет глубже понять мировосприятие автора, которое воплощается в его поэзии, и вывести осмысление его творчества на новый уровень.

Ключевые слова: мотив, лирика, культура, топос, анализ, ценностные ориентиры, традиции, самоидентификация.

Введение

В XX веке на русском языке стали писать представители самых различных этносов и постепенно сформировалось такое устойчивое понятие, как «русскоязычная литература», которая, в отличие от собственно русской литературы, демонстрирует иные признаки ментального поля.

Одним из современных поэтов, чья поэзия развивается в русле национальных традиций, является казахстанский поэт и писатель Б. Канапьянов. Его лирические произведения представляют собой культурологическое и историко-литературное наполнение понятия «русскоязычная литература». Жанровое разнообразие творчества Б. Канапьянова представлено философской, религиозной, гражданской, пейзажной, любовной лирикой, миниатюрами, посвящениями и поэмами. В спектре поэтических размышлений автора находятся проблемы духовного состояния, судьба родной страны, поиска истины бытия, сохранения нравственных начал в человеке, родного края, народа, патриотизма, верности, дружбы, чести, человеческого достоинства и т.д.

Среди мотивов, образующих художественную картину мира в лирике Б. Канапьянова, важны те, которые отражают национальное своеобразие, духовность. В мотиве неизменно отображается связь между объективными обстоятельствами существования и конкретными физическими, общественными и нравственными ее сторонами. При анализе становится актуальным литературно-культурологический подход. Этот подход позволяет выделить значимые национальные составляющие любой культуры.

Материалы и методы

Попытаемся исследовать некоторые мотивы и наборы мотивов, используемые в текстах казахстанского поэта и писателя Б. Канапьянова, с точки зрения их этнокультурного воплощения.

Одним из архетипических образов, формировавшихся в многовековой культурной традиции, является образ дороги. Архетипы стали ядром для множества художественных образов в искусстве и литературе. В частности, архетип дороги имеет множество воплощений: Это и олицетворение про-

* Автор корреспондент. E-mail: nurgalik1@mail.ru

странства, и метафора жизни, и топос внутреннего мира героя. Именно в этом хронотопе обнаруживается монолог движущегося лирического героя произведений разных лет Б. Канапьянова.

В анализируемых произведениях мотив дороги выделен и играет четкую структурообразующую роль. Термин «мотив» употребляется в значении устойчивого смыслового повторяющегося элемента художественного, поэтического и фольклорного текста, «простейшая, далее неразложимая единица темы» [1; 136, 137].

Результаты и обсуждения

В поэзии Б. Канапьянова есть герои, для которых странствия, скитания — необходимый элемент их жизни. В этих произведениях герой часто уходит в другой мир в поисках идеальной свободы (все поэтические цитаты приводятся по [2]).

*И этот путь
Продолжен будет мной:
Встречать людей,
Стихи дарить,
И — жить! («Родной очаг»).*

*Алма-Ата, зеленый город мой,
К подножью гор прильнувшая столица,
Меня благословила в путь земной («Алма-Ата»).*

*Необратимый это жизни путь.
Он далеко за морем где-нибудь
Соприкоснется с горизонтом смерти
(«И пролегли вдоль берега следы...»).*

*Мы по кругу, по кругу, по кругу —
как лошади в шахте,
Мы впрягаемся в быт и вертим лебедку судьбы...
(«На мотив старых часов»).*

*Пришли неизвестно откуда,
Уйдем неизвестно куда...
(«Пришли неизвестно откуда...»).*

Становление лирического героя как поэта связано с родным языком, с родным селом, которое противопоставлено шумному, «железному» городу. В этих поэтических произведениях пространство оказывается основным элементом, обуславливающим судьбу и героя, и поэта. Конкретные топосы в географической, биографической и психологической оболочках перемещают лирического героя в систему мотивов дороги и пути [3; 51–56]. Именно эти мотивы позволяют изучать другие, более отдаленные, пространства и места:

*Вселенная — мой двор, где я играю,
Все остальное вскоре я познаю,
Оно пока вне дома моего.
(«Я руки твои, мама, вспоминаю...»)*

*Дорога, ведущая в лес...
Это все было веками,
Будет — все это,
Все это — есть.
(«На Волге иль где-то в Сибири...»)*

*Вот наша жизнь! Она объединяет.
И нас самих друг другу объясняет.
С ней до последней мы дойдем черты. («Наша жизнь»)*

*Пройдя жилую зону,
Мне суждено сойти.*

*К небесному перрону
Все сходятся пути.
(«Ночная электричка...»)*

Алма-Ата, Отрар, Чернобыль, Нью-Йорк, Вена, Иссык-Куль, Подмоскowie — вот далеко не полный перечень названий, определяющих географию мира лирического героя. С этой точки зрения является возможность выявить в лирике Б. Канапьянова геокультурную образность. Проявляется поэтическая карта, на которой определённые географические объекты воплощаются в судьбоносные доминанты жизни человека. Родные места являются фундаментом для становления личности и поэта. Лирика Бахытжана Канапьянова не только одушевляет пространственные мотивы, но и вовлекает их в систему субъектных взаимоотношений. Автор соединяет поэтический образ с настоящим топосом, конкретизируя пространство лирического переживания. И географическое пространство приобретает новые смыслы в пространстве бытия и поэта, и его лирического героя.

В поэзии Б. Канапьянова с мотивом дороги тесно связаны концепты как материального плана — «юрта», «кюй», «аул», «домбра», «кочевник», «степь», так и географического плана — «Алма-Ата», «Медео», «Чернобыль», «Иссык-Куль». У этих концептов нет конкретного воплощения, они содержат в себе ключи к пониманию ценностей национальной культуры, условий бытия народа, специфику его ментальности, миропонимания.

Характерно, что, хотя Б. Канапьянов в большинстве своем жил в городе, но такое традиционное для казаха пространство как «степь» — образ исключительно полифоничный и подчеркнuto национальный:

*Идите в степь.../ предстаньте перед звездами...
свою звезду найдите там/ сквозь слезы.*

Словно своеобразный «поток сознания»: степь ассоциируется в сознании поэта с солнцем, зарей, рассветом, солончаком, отарой чабана. Только коренной казахстанец увидит здесь картину пробуждающейся природы, в которой степь — ключевое понятие.

Красной нитью в ряде стихотворений проходят поэтические и ценностные ориентиры и приоритеты автора: желание словом служить своему народу, быть нравственно чистым, верным своей совести и национальным традициям. Природа — одна из неотъемлемых составляющих лирики Б. Канапьянова. Поэт часто использует пейзажные зарисовки для раскрытия душевного состояния, психологии личности. Таким способом лексика с пространственным значением становится знаковой и символической. В.В. Савельева считает, что «для всех литератур нового времени характерно сохранение фольклорно-мифологического ореола, с древности закрепленного за определенной географической местностью, ландшафтом и топографией и отраженного в языке, топонимике, легендах, преданиях, мифах» [4; 37].

Картина мира, сформировавшаяся в кочевой культуре, обладает рядом особенностей, отличающих ее от миропонимания представителей «оседлых» этносов. Как отмечает Б.Г. Нуржанов, «для кочевника высшей ценностью обладает движение, способность перемещаться, передвигаться, не закрепляться навечно на ограниченной территории. Более ценно все то, что движется, течет, изменяется, превращается, метаморфозирует; а то, что неподвижно, неизменно, вечно, оседло, обладает вторичной ценностью» [5; 43].

В связи с этим, оппозиция «город–степь» проявляется как ключевая, философски важная в художественной системе казахской литературы. Мир степи, по мнению исследователей, включает в себя центральные образы — мотивы дороги, константного согласованного движения по кругу — «орбите кочевой», аула — малой родины и юрты как временного убежища и дома, максимально близко к природе. По степени употребительности топос «степь» — один из наиболее частых в казахстанской лирике. Основываясь на мифологических, фольклорных традициях и опыте мировой литературы, художники слова существенно расширяют семантику данного понятия. Открытое степное пространство осмысливается не только как отечество, земля предков, центр исторической памяти и культурных ценностей. Это также символ бесконечного движения, раздолья, иных форм отношений с окружающим миром. В поэтическом цикле «Алма–Яблоко» Б. Канапьянова лирический герой-карожаин слышит зов:

*Вновь по весне степной простор влечет.
Сажусь в автобус я на маленьком вокзале.
Быть может, люди мне дорогу подсказали,
Быть может, птицы... Я не знаю, кто еще [2; 20].*

«Маленький» вокзал противопоставляется степному «простору», и тяга горожанина уйти за границы замкнутого пространства оказывается очень сильной.

*Здесь улыбаюсь каждому кусту,
Полёт орла я провожаю взглядом, —*

герой как будто преодолевает внутренние запреты, воссоединяется с потерянным миром. В степи, исчезают пространственные и временные пределы:

*И древний кюй звучит, быть может, рядом,
И — поезда далёкий перестук [Там же].*

Однако еще более важным откровением оказывается осознание собственной сущности:

*Неприметны следы мои в степи,
Ненадолго трава от них сомнется,
Но жизнь моя курганом обернется...
Там, в глубине, степное сердце спит.*

«Степное» сердце героя ведёт его к истокам, образ кургана — в данном контексте амбивалентного символа жизни и сна-смерти, напоминает о многочисленных поколениях предков, ставших, как и герой, частью этого мира. Семантика пространственного образа степи в поэзии Б. Канапьянова включает в себя традиционные образы-звуки кюя, игры на домбре, топота аргамаков:

*Родной степи мелодия слышна;
...степь зачарованно слушает
Кюй Курмангазы;
На мои отвечаешь вопросы
Отзвуками струны;
Подступил к сердцам
Гулкий топот [2; 10–68].*

В лирическом цикле «Алма–Яблоко» детали городского быта спокойно уживаются с исконно «степными», традиционными образами, например, транзистор с домброй у студенческого костра [Там же]. Тем не менее, часто в голосе лирического героя звучит сожаление о разлуке с малой родиной, тоска по аулу и почти позабытым обычаям:

*И вечная плачет дombra
О том, что в степи затерялся ребёнок [2; 36].*

В стихотворении «Родной очаг» герой просит:

*Родной очаг,
За все прости меня.
За то, что о корнях
Я забываю.
Все получил
От твоего огня
И ничего в ответ
Не возвращаю.*

Степь прощает и отпускает его:

*Встречать людей,
Стихи дарить,
И — жить!
Судьбой*

*Народу своему служить.
Благословляет степь:
– Иди, сын мой! [2; 66].*

В «Подарке чабана» герой беседует с добродушным хозяином, и тот замечает:

*Будь гостем моим -
В этот, знаешь ли, век
Не часто гость приезжает [2; 24].*

Посмеиваясь, чабан рассказывает, как отказался от машины в награду:

*Но на бензин не сменял я узду...
Я цветом гнедого горжусь!.*

Гордость чабана не разделяет его сын, однако, отец не в обиде:

*С жизнью моей не знаком он.
Откуда ему, горожанину, знать
Наши степные законы?!.*

Тот же мотив потери «степного» познания, памяти крови звучит в стихотворении «Кони». Мальчик-горожанин в первый раз видит живых «безропотных» коней на арене цирка, ребёнок смеется, а его отцу невесело:

*И только отец мальчишки
С грустью смотрел на это,
Далекое детство вспомнив,
Откуда примчался конь [2; 42].*

Ностальгия по безоблачному детству в поэтическом цикле Б. Канапьянова связана не только со степью, но и с образом прекрасного южного города Алма-Аты. Это сложный многокрасочный образ, содержащий и урбанистические зарисовки («калейдоскоп светофоров», «дневных проспектов крик», «асфальты пахнут зноем»), и лирические изображения городской природы. Например, в стихотворении «Арык» традиционный элемент восточного города не только оживляет городской пейзаж, но и формирует атмосферу волшебной сказки:

*И — сдвинута бетонная стена,
И в переулок детства открыла путь она...
И вдоль арыка плещется луна,
И ожила забытая струна —
Сердцебиение земное [2; 27].*

Шёпот фонтана и пение арыка сопровождают влюбленных:

*...сброшу я тяжесть разлуки,
чтобы с тобою бродить
по нашему городу
в эту зеленую ночь... [2; 73].*

Другой символ Алма-Аты — горы:

*Как величаво высятся хребты,
Взирая по-отечески на город;
Угрюмы вершины своей сединой
И горы вдоль города встали стеной...
Фонтан ли смеётся? — Алмаатинка.
В глазах её тает горная льдинка [2; 29].*

«И в рифме «горы — город» есть ландшафт», — отмечает автор.

В стихотворении «Валун» камень, принесенный «с вершины дальней», мечтает вернуться в горы. Он ждет «нашествия с вершин небесных глыб» [2; 54]. Топос горы в картине мира кочевых тюркоязычных народов традиционно соотносится с небесным царством Тенгри. «Город зелёных ночей», «белый город в долине» в цикле «Алма–Яблоко» олицетворяет безупречное пространство, в котором соединяются урбанистические и природные мотивы. Однако сердцу поэта дороже яблонево-сады, когда-то подарившие городу имя, «привившие» жителям Алма-Аты особые черты:

*Нам родина — эти холмы,
Горы и город в долине.
И дети природы все мы,
Мы яблока —
Половины.
Там
Жизнь переходит в плоды,
Нас
Яблоня благословила.
Мы
В яблоке ищем черты,
Что яблоня нам
Привила [2; 49].*

В другом стихотворении лирический герой с болью констатирует:

*Я родом из детства, где яблоки зноем налиты,
Где слушал в траве я стрекоз и кузнечиков музыки,
Где ветви согнулись под тяжестью спелого груза,
Где корни деревьев арычную влагой омыты,
Я родом из сада, где ныне — бетонные плиты [2; 35].*

Испытывая экзистенциальную вину, «железобетонной» городской осенью герой признаётся:

*О степная земля, мы так пред тобой виноваты,
Что смотрим с виною и болью на эти закаты.*

Он склоняется перед яблоком-тотемом:

*Плода нет совершеннее на свете,
Чем яблоко осеннюю порой —
...Но ведь не имя — суть важна в предмете:
Не гармоничен будет город мой
Без яблока — дар древности земной -
Что принимают взрослые — как дети [2; 50].*

В лирике Б. Канапьянова яблоко — не только символ золотого детства, города и природы, неразрывной целостности прошлого и настоящего. Это, в соответствии с традицией, и напоминание о любви:

*Тебя звали Алма,
тебя называл
половиной зеленого города [2; 64].*

В имени девушки объединяются несколько милых поэту смыслов, намёков. Как драгоценна девичья честь, так сакрален, нерушим и город:

*Парень, не так переводишь,
Меня звать — «не бери».
Имя моё,
что плод,
на который
наложен запрет.*

*Не так переводишь,
парень,
э, не так [Там же].*

Яблоко — символ бытия, надежды и гармонии:

*В коробку зерна спрятаны до срока.
Приснится мне планеты сад живой,
Плодами будет плыть над головой.
И — яблоко несёт в руке эпоха [Там же].*

Бинарная оппозиция «город–степь», на наш взгляд, беспристрастно очерчивает душевный конфликт казахстанской поэзии 70–80-х гг. XX в. Уход от традиционных ценностей кочевья, разлука с аульным бытом, отрыв от корней, трагедия болезненной духовной раздвоенности в полной мере отразились в современной казахской литературе. Однако в поэзии Б. Канапьянова образ южного города не является символом бездуховности, противопоставленным ценностям традиционной культуры. Источником противоречия оказывается сознание лирического героя — «половины спелого яблока», побеждающего неминуемый кризис самоидентификации. В лирике Б. Канапьянова слышится вера в нашего современника — горожанина и степняка, открывающего для себя «планеты сад живой».

Заключение

Топосы и мотивы поэзии Б. Канапьянова отражают принципы прочного взаимодействия лирического героя с жизненным пространством, временем и другими персонажами. Значимые жизненные события отмечаются не только в конкретных датах, а через соотнесение их с воспоминаниями и впечатлениями.

В заключение отметим, что лирике Б. Канапьянова свойственно разнообразие тем и мотивов. Патриотические мотивы пронизывают почти все его творчество. Для лирического героя поэта родина — это, прежде всего, родное село, где прошло его детство. Пейзажная лирика, тесно связанная с темой родины, раскрывает душевное состояние героя. Часто встречаются в лирике и религиозные мотивы, мотивы веры и бытия. Любовную лирику, описывающую глубокие и емкие чувства, сопровождают мотивы страдания и метания. Часто используемые мотивы воплотили в себе семантику жизненного пути, периодов жизни и возрастных этапов лирического героя.

Список литературы

- 1 Томашевский Б.В. Пушкин. — Т. 2 / Б.В. Томашевский. — М., 1990.
- 2 Канапьянов Б. Избранное: [В 2 т.] / Б. Канапьянов. — Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. Кривошапова Т.В. Тороғарһиасаға в современной казахстанской поэзии: Бахыт Каирбеков / Т.В. Кривошапова // Русская литература в иностранной аудитории: сб. науч. ст. — СПб., 2019. Савельева В.В. От художественного текста к художественному миру. Теория. Методика. Практика / В.В. Савельева. — Алматы: Фонд XXI век, 2000. — 252 с.
- 5 Бекетов Б.Г. Город и степь / Б.Г. Бекетов // Тамыр. — 2003. — № 2. — С. 41–43.

Қ.Р. Нұрғали, М.Д. Амангелді

Б. Канапьяновтың лирикасындағы мотивтер жүйесі

Мақалада қазақстандық ақын Б. Канапьяновтың лирикалық шығармаларында ұсынылған поэтикалық тіл мотивтерінің жүйесі зерттелген. «Дәлелді жүйе» оның мазмұндық және құрылымдық компоненттерінің жиынтығында қарастырылған. Жұмыстың негізгі міндеті — поэтикалық мәтінде оларды құру және дамыту жолдары арқылы тұрақты мотивтерді сипаттау. Бастапқы ұстаным ретінде мотивтің тура және бейнелі түрде болуы қабылданады. Мәтіндегі мотивті білдіру әдісіне байланысты оның сипаттамасының сипаты таңдалған. Айта кету керек, мотивациялық жүйені зерттеу, әрине, жалпы авторлық мәселелерге, сонымен бірге нақты бейнелі қатарға жүгінуді білдіреді. Авторлар мақалада Б. Канапьянов лирикасының мотивтерінің ерекшеліктерін жалпы мәдени мотивтермен салыстырып, көркем мәтіндегі олардың репрезентациясында тәсілі мен әдісін жіктеуге және анықтауға әрекет жасаған. «Отбасы», «Отан», «дала», «ауыл» сияқты субконцептосфераларды құрылымдау мәселесі маңызды орын алады. Олардың құрамдас бөліктері және олардың арасындағы жүйелі байланыстар анықталған, сонымен бірге негізгі тілдік құралдары окшауланып, жіктелген.

Талдау нәтижесінде мынадай тұжырым жасалған: мотивтер әртүрлі функцияларды орындайды: лирикалық жағдайды сипаттаудан бастап, поэманың негізгі тақырыбы, образға дейін. Мотивтер жүйесі мен оның көркемдік көрінісін түсіну ауқымы айтарлықтай кең және алуан түрлі. Жасалған талдау ақынның поэзияда өрнектелген дүниетанымын тереңірек түсінуге мүмкіндік беріп, шығармашылығын түсінуді жаңа деңгейге көтереді.

Кілт сөздер: мотив, лирика, мәдениет, топос, талдау, құндылық бағдарлары, дәстүрлер, өзін-өзі тану.

K.R. Nurgali, M.D. Amangeldi

The system of motifs in lyrics of B. Kanapyanov

The article examines the system of motifs of the poetic language of the Kazakh poet B. Kanapyanov, presented in his lyrical works. The “motif system” is considered in the totality of its content and structural components. The main task of the work is to describe stable motifs through the ways of their creation and development in a poetic text. The existence of a motif, both literally and figuratively, is taken as the starting position. Depending on the way the motive is expressed in the text, the nature of its description is chosen. It should be emphasized that the study of the motif system certainly involves addressing both the author's problems in general and a specific figurative series. The article attempts to determine the specifics of the motifs of B. Kanapyanov's lyrics in comparison with general cultural motives, to identify and classify the ways and means of their representation in literary texts. An important place is occupied by the problem of structuring such subconceptospheres as “family”, “homeland”, “steppe”, and “aul”. Their components are identified and systematic connections between them are determined, the main linguistic means of their representation are isolated and classified. As a result of the analysis, it is concluded that the motifs perform various functions: from the characteristics of the lyrical situation to the image, the key theme of the poem. The range of comprehension of the system of motifs and its artistic expression is wide and diverse. Their analysis allows us to better understand the author's worldview, which is embodied in his poetry, and bring the understanding of his work to a new level.

Keywords: motif, lyrics, culture, topos, analysis, value orientations, traditions, self-identification.

References

- 1 Tomashevskii, B.V. (1990). *Pushkin [Pushkin]. Vol.2.* Moscow [in Russian].
- 2 Kanapyanov, B. (2011). *Izbrannoe [Selected works]. Vol. 2.* Almaty: ID «Zhibek zholy» [in Russian].
- 3 Krivoshchapova, T.V. (2019). Topographiasacra v sovremennoi kazakhstanskoi poezii: Bakhyt Kairbekov [Topographiasacra in Modern Kazakh poetry: Bakhyt Kairbekov]. *Russkaia literatura v inostrannoi auditorii: Sbornik nauchnykh statei — Russian literature in a foreign audience. Collection of scientific articles.* Saint Petersburg [in Russian].
- 4 Saveleva, V.V. (2000). *Ot khudozhestvennogo teksta k khudozhestvennomu miru. Teoriia. Metodika. Praktika [From the literary text to the artistic world. Theory. Methodology. Practice].* Almaty: Fond XXI vek [in Russian].
- 5 Beketov, B.G. (2003). Gorod i step [City and steppe]. *Tamyr* [in Russian].